

нец”, “славный Кант, глубокомысленный, тонкий метафизик”, “первый Философ Германии” и “первостатейный философ”, имевший “такое щастие себя прославить и такое имя приобрести в свете”.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА*

Н.А. Куценко

В области истории отечественной философской мысли можно выделить относительно новое теоретическое направление исследований – “специализированное философское знание в России”. Поскольку исследования в этой области затрагивают большой исторический пласт и значительное количество имен, мы в настоящей статье ограничиваем свою задачу рассмотрением вопроса о профессиональной философии в России в первой половине – середине XIX в. Обозначим три главнейшие цели дальнейшей теоретической разработки: 1) оценка современных отечественных и западных исследований по теме; 2) обсуждение проблем источниковедческого и методологического характера; 3) уточнение общих концептуальных теорий, интерпретация генезиса и развития отечественной философской мысли, ее типологии, периодизации и т.п. Обсуждение этих вопросов поможет нам понять, как состоялась профессиональная философия в первой половине XIX в. причем своей задачей мы видим скорее адекватную постановку вопросов, чем поиск исчерпывающих ответов на них.

Оценка новейших исследований на тему о специализированном философском знании в России XIX в. за последние годы необходима для теоретического осмысления накопленного богатого материала по всем периодам ее развития, начиная от раннего Средневековья вплоть до настоящего времени. Обозначенная тема начала активно обсуждаться в научной академической литературе на рубеже 80–90-х годов XX в. К каким же результатам привела эта дискуссия? Для ответа на этот вопрос дадим краткую характеристику известных нам научных исследований за последние 15 лет.

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант № 06-03-00037а.

Сначала мы коснемся светской научной литературы, затем – богословской. Следует отметить, что хотя в циркулярах ВАКа отмечены разные номера специальностей – философские науки и богословские науки, эти научные печатные источники так и не стали разнородными по сути. Некоторые специализации непосредственно соотносятся между собой: так в философских науках присутствует специализация “религиоведение, философская антропология, философия культуры”.

Литература последних лет характеризуется как общими обзорами в изданиях справочного типа (словарях, энциклопедиях), так и тематическими научными монографиями, в том числе описывающими состояния академической философской мысли в различных регионах.

Прежде всего считаем своим долгом упомянуть о работах А.И. Абрамова по указанной проблематике, которые представлены в его “Сборнике научных трудов по истории русской философии” (М.: Кругъ, 2005). Среди российских исследователей данного вопроса отметим также Л.Е. Шапошникова (Консерватизм, новаторство и модернизм в православной мысли XIX–XX веков. Н. Новгород: НГПУ, 1999), И.В. Цвык (Духовно-академическая философия в России XIX в. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002), А.В. Панибратцева (Просвещение разума. Становление академической науки в России. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2002). Работа В.Ф. Пустарнакова “Университетская философия в России” (СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2003) имеет прямое отношение к выбранной нами теме, поскольку в ней автор рассматривает многие из затрагиваемых вопросов, но только в университетской среде означенного времени. К тому же труд содержит большое количество материала справочного характера. Здесь же необходимо упомянуть о многочисленных трудах З.А. Каменского, известного своими исследованиями архивных материалов, но по светской философии.

А.И. Абрамов, В.Ф. Пустарнаков, З.А. Каменский, Н.В. Мотрошилова, Т.Б. Длугач, А.В. Соболев, как представители старшего поколения современной академической российской историко-философской науки, внесли большой вклад в разработку данной тематики. Кроме того, следует отметить наиболее значительных специалистов по истории отечественной философии Нового времени, которые привлекают в своих трудах архивные материалы: П.П. Гайденоко, С.С. Хоружего, М.А. Маслина, М.Н. Громова, В.К. Шохина, В.В. Сербиненко, В.В. Лазарева, А.П. Козырева, С.М. Половинкина, В.В. Ванчугова, П.В. Калинина, В.А. Бажанова и др.

Значительных успехов в изучении архивных материалов по истории Киево-Могилянской и Киевской духовной академий, Императорского университета Святого Владимира достигли украинские специалисты: В.М. Ничик, В.С. Горский, Я.М. Стратий, В.В. Литвинов, В.А. Андрушко, М.Л. Ткачук, А.Г. Тихолаз, Н.Г. Мозговая.

Практически все упомянутые исследователи считают, что есть существенный пробел в интерпретации заданной проблемы, поскольку процесс институализации философии в России, т.е. становления ее как специальности и профессии, изучен еще слабо. Именно такая постановка вопроса возникла в связи с необходимостью выработки нового подхода – теоретического, который объединил бы изучение как профессиональной философии в университетской, т.е. светской среде, так и в духовно-академических кругах. Проблемно-аналитическое исследование статуса профессиональной философской мысли в России относится лишь к самому последнему времени¹.

В формировании профессиональной философской культуры в России видная роль принадлежит также европейским, главным образом немецким, профессорам, роль которых в советское время искажалась и недооценивалась (И.Б. Шад, И.-М. Шаден, Ф.Х. Рейнгард, И.Ф. Буле и др.). Университетская философия и философские курсы в духовных академиях формировались под влиянием философии Лейбница и Вольфа.

Анализ теоретического моделирования в данной области исследования свидетельствует о необходимости выработки новой теоретической концепции. Данный вывод также следует и из обозрения корпоративной богословской литературы.

В итоге выделены три главные формы “бытования” русской философии, которые можно обозначить как “вольную”, университетскую и духовно-академическую, которые не были отделены одна от другой, поскольку существовали сквозные проблемы, в решение которых внесли свой вклад все три главные ветви отечественной философской культуры. Именно это указывает на необходимость их оценки и восприятия

¹ Авдеева Л.Р., Абрамов А.И., Жуков В.Н. Философия в духовных академиях и университетах в XIX – начале XX в.: Философско-правовая мысль // История русской философии. М., 2001. С. 285–334; Бажанов В.А. Прерванный полет: История “университетской” философии и логики в России. М., 1995; Баранец Н.Г. Философское сообщество: Структура и закономерности становления (Россия рубежа XIX–XX веков). Ульяновск, 2003; Куценко Н.А. Духовно-академическая философия в России первой половины – середины XIX века: Новые материалы. М., 2005.

в качестве разновидностей единой, интегральной истории русской философии мысли².

Проблемы источниковедческого и методологического характера, возникающие в связи с введением в научный оборот новых текстов, расширение исследовательской базы, требуют совершенствования комплексной методологии интегрального типа, применяемой, в частности, в исторических, искусствоведческих, культурологических, религиоведческих изысканиях. В частности весьма необходимо профессиональное изучение и описание архивов, поиск новых пластов исследования, введение в научный оборот вновь найденных текстов и т.д.

Уточнение общих концептуальных теорий – интерпретация генезиса и развития отечественной философской мысли, ее типологии, периодизации, соотнесения с традициями и интенциями мировой философии – необходимо для определения подходов к выработке единой теоретической модели оценки профессиональной философии в России указанного времени.

Можно утверждать, что термин “профессиональная философия” требует уточнения как по своей формулировке, так и по содержанию. Актуальность именно такой постановки вопроса применительно к началу – середине XIX в. перекликается и с современным состоянием развития философского знания в XX в. – нач. XXI в.

В данном вопросе духовно-академическое образование имеет ощутимое преимущество: стабильность классического философского образования, теистически определенного, в данный момент играет роль “охранной” философии, соблюдая традиционность своего статуса. Как пример традиционности можно привести юбилейные сборники академий в XIX и XX вв. В частности, очень популярным в научной среде является “Сборник лекций бывших профессоров КДА, изданный по случаю 50-летнего ее юбилея”, содержащий лекции И. Борисова, И. Скворцова, П. Авсенева и других выдающихся деятелей отечественной культуры. Из современной литературы подобного рода нельзя не отметить юбилейный сборник богословских трудов “Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985)”. В университетах также было принято чтение актовых лекций ведущих профессоров гуманитарных дисциплин, носивших философскую, а иногда и богословскую направленность. К сожалению, данный тип научного материала слабо известен, а то и не известен вовсе по причине мало-

² См.: *Маслин М.А.* Духовно-академическая и университетская традиции философского образования в России // Проблемы взаимодействия духовного и светского образования. Н. Новгород, 2004. С. 22–26.

тиражности изданий такого рода, что требует его выявления и введения в научный оборот.

Научная богословско-философская школа, переживавшая на рубеже XVIII–XIX вв. период своего реформирования, а точнее – нового формирования, ответила на процесс мощного развития западной философии созданием оригинального философского стиля – “русского”. Характеристика такой постановки вопроса о “русском философском языке” в основных чертах дана в книге В. Ванчугова “Очерк истории философии “самобытно-русской” (М., 1994). И в деловом жанре, и в научном после известной “францизации” и “германизации” языка и стиля стала происходить русификация лексики и мысли. С 30-х годов XIX в. уже официально утверждались программы преподавания богословских и философских дисциплин на русском языке, происходил перевод всего преподавания на родной язык, что приводило к расширению профессиональной лексики. У нас имеются данные об авторских курсах по философским и богословским дисциплинам на русском языке в Смоленской духовной семинарии еще 1780 г., хранящихся в рукописном фонде Киевской духовной академии Института рукописей НАНУ им. Вернадского.

Альтернативой данному процессу стали последние схоластики, т.е. профессора, читавшие лекции на латыни. Однако, несмотря на вездесущую цензуру, появлялись авторские курсы на русском языке. Создалась богословско-философская полемическая школа.

Духовная школа, в которой философский элемент носил обязательный характер, была, как отмечалось выше, корпоративной со всеми плюсами и минусами. На вызовы времени ведущие ее представители давали научным образом оформленные и изданные труды. В данном плане в качестве примера приведем большую работу святителя Феофана Затворника “Православие и наука. Руководственная книга изречений и поучений” 1876 г., в которой не только рассмотрены и проанализированы вопросы христианской гносеологии, православной метафизики, антропологии, психологии, педагогики, но и “соделан” новый систематизированный язык.

В то же время университетская философия с середины XIX в. создала свой особый академизм. Его не стоит называть “прохладным” ни в первом, ни во втором случае³. Поскольку присут-

³ Для подтверждения необходимости пересмотра акцентов приведем размышления над достаточно известной, программной статьей В. Ахутина “София и черт. Кант перед лицом русской религиозной метафизики”, в которой, на наш взгляд, несколько были смещены акценты в оценке развития философского процесса в России. Так, отношение к профессиональному философу Канту и немецкой классической философии он классифицирует от “прохладно-академи-

ствовала цензура Синода и Министерства образования, мы бы назвали такой академизм взвешенным. К тому же данный период становления институализированного философского знания в России был калейдоскопичен, поскольку наряду с выходцами из отечественной, в основном богословской школы, в университетах работало большое количество иностранных профессоров, которых понимали единицы. Широко известна история изгнания профессора философии Йогана Баптиста Шада из Харьковского университета, рекомендованного для занятия кафедры самим Фихте. Отметим, что уровень философии в лице европейских протестантских профессоров, т.е. профессиональной западной элиты, некоторое время опережал уровень российских профессоров. В данном вопросе, особенно в начале XIX в., следует особо выделить значение последователей философии Вольфа и влияние его учебных пособий, относящихся к XVIII в.

Со своей стороны отечественные ученые регионально расширили “научное проповедничество”, показав свой вариант отстаивания ценностей. Были проведены реформы духовно-академического образования. Открылись Казанская духовная академия и университет, в том числе и для целей “просветительства” среди мусульманского населения. При этом возникло некое противостояние университетской и академической философско-богословской традиции преподавания гуманитарных дисциплин, некое “два в одном” и одновременно один против другого, однако на разрыв нельзя было идти. Возник некий парадокс: при царской цензуре светскость оказалась не в лучшей форме – силами чужеземцев философия так и не поняла, что она есть – познание мира в его полноте (в том числе политической составляющей) или академическая дисциплина, а богословие стало научным. Оно стало изъяснять философскую составляющую полноты мысли доступным светским языком, уточняя свои позиции и оппозицию.

Необходимость тщательного изучения академической философии в России XIX в. также обусловлена достаточно неплохой сохранностью как рукописных архивов в академических учебных заведениях, так и канцелярских бумаг (программ преподавания,

ческого” до “крайности горячего”. Данную оценку автор базирует на таких фамилиях, как Н. Федоров, Ф. Достоевский, А. Белый, П. Флоренский, И. Киреевский, С. Булгаков, Е. Трубецкой. Не берется какой-либо эмпирический материал от академической составляющей, берутся духовные лидеры (а в России они были не столько от академистов, сколько от политической оппозиции) и их спор с Кантом и НКФ в целом. Статья не отвечает на вопрос, как сам автор относится к русской религиозной метафизике, но в любом случае она нужна ему для полемики по поднятому вопросу.

курсовых, дипломных, диссертационных работ, предписаний и т.п.). Изучение документальной стороны данного вопроса является весьма важным, так как позволяет “реконструировать” реальные события, составить тематическую карту преподавания философских дисциплин в российских высших учебных заведениях и исследовать ее.

Кого же можно называть “профессиональным философом” в России в XIX в.?

Прежде всего (1) выпускников философских факультетов (они назывались тогда историко-филологическими). Далее (2) выпускников богословских учебных заведений (семинарий и академий), специализирующихся по философской тематике. Также (3) штатных преподавателей философских дисциплин независимо от их первичного образования. Всех иных можно отнести к категории философствующих любителей. Возникает закономерный вопрос: как охарактеризовать последних? Можно ли говорить о стабильной элите в отечественной философии указанного периода? Установим, что же является определяющей характеристикой для философа-профессионала: образование, развитие своих взглядов в соответствии с академической традицией в области истории философии, логики, других философских дисциплин, определение своей позиции в соответствии с мировой традицией, в том числе и с “корпоративным интересом”. Далее обязательна наличие аудитории, т.е. учеников, слушателей, академической устроенности науки, определенной области исследования, внутривидовой “цензуры” и т.п., а также возможность критики, общественной либо профессиональной оценки – аттестации, например. Возможность развивать свои взгляды в русле той или иной традиции, направлении, присутствие печатных органов с академической цензурой, обсуждение, рекомендации, ну и, конечно, – институциональная определенность, т.е. того или иного рода учреждение.

Какие трудности стояли и стоят перед “профессионализмом” в философии? Это прежде всего определение собственной позиции, трудности конкретного социально-исторического периода. Выделим также наличие возможности объективного исследования интересующей темы, в том числе знание языка, талант и профессионализм, доступность научного материала.

Что же осталось от философии сегодня: история философии, метафизика в широком смысле, логика, этика, эстетика – классический набор философских дисциплин. Социология, политология, психология отпочковались, зато появились семиотика, эпистемология, т.е. развился предмет собственно философского дис-

курса. Следует отметить, что профессиональная философия и профессия “философ” сегодня – разные понятия⁴.

Основными темами для изучения профессиональной философии в России данного периода являются богословская и университетская составляющие, причем данное разделение достаточно условно, ведь в обоих учебных процессах изучается освоение метафизики Нового времени – идеи, произведения, учебная литература едины. Как два пути философского образования в России Нового времени соединились и почему? Есть современные исследователи, в частности Л.Е. Шапошников и И.В. Цвык, которые рассматривают эти направления отдельно друг от друга, поскольку таков предмет их научного интереса. Другие же – В.К. Шохин, М.А. Маслин, В.В. Ванчугов – считают, что целесообразно рассматривать эти две ветви российской профессиональной философии в их единстве.

Почему мы считаем актуальным на фоне обозначенных выше проблем рассмотрение развития профессиональной философии в России именно в обозначенный период? Потому что результатом важнейших политико-составляющих исторических перемен этого времени в общественном сознании на рубеже XVIII–XIX вв. стало формирование не только направлений, но и *школ*. Сейчас мы говорим о немецкой *классической* и *академической* русской религиозной философии или академической русской христианской философии с их профессиональными поисками и новаторской работой дальнейшего рационального понимания двухтысячелетнего опыта христианизированной цивилизации⁵.

Всем известен вопрос об “изгнании” философии из университетов в середине XIX в. – этот период получил в литературе название “темного десятилетия”. Для кого оно было темным? Для демократов, для ненавидящих тогдашний режим современных

⁴ Когда сегодня востребован мудрец, обращаются к профессиональным философам. Например в известную программу В. Третьякова “Что делать?”, выходящую на телеканале “Культура”, часто приглашают для дискуссии сотрудников ИФ РАН, преподавателей философских дисциплин московских вузов. Когда нужен толкователь происходящего здесь и сейчас, обращаются к политологам-экспертам, когда нужен целитель души – к психологам.

⁵ Подчеркнем, что сам термин “русская религиозная философия” в современной литературе в последние годы отмены цензуры часто идеологически неверно, но политически направленно употребляется некоторыми неопитствующими исследователями, резко перешедшими из атеистов в теологи и составившими некое подобие “атеологов”. Так вот, этот термин употребляется и изъясняется ими совершенно вульгарно. Данные исследователи, по нашему мнению, представляют собой компиляторский тип пропагандистского толка и низкого научного уровня, очередной раз уверенный в своей неоидеологической востребованности.

интерпретаторов, не обзываются себя “ходить не в секретные архивы”. Для общего философского развития оно таковым не было, так как произошла окончательная академизация образования: появились цензурные программы по психологии, логике, т.е. произошло оформление профессиональной философии на стадии ее преподавания. Причем в духовно-академической традиции данное преподавание было непрерывным от среднего звена. На самом деле данный вопрос был вопросом внутренней политики государства, т.е. политическим, а собственно академическая наука не пострадала. Нам удалось найти данные программы в архиве Синода, частично они опубликованы в указанной монографии автора статьи. Отметим неизученность роли семинарий в вопросе философского образования. В приложении нами приводятся программы для семинарий по философским дисциплинам, показывающие весьма высокий уровень преподавания.

Следует отдельно выделить определенную тематику в профессиональной философии, где два основных течения имели общую проблематику. Это изучение античной вербальной традиции на языке оригинала, перевод и интерпретация древних текстов, гебраистика, востоковедение, теологические штудии, историко-философские исследования.

Кого же можно назвать философом в богословской среде? Ортодоксальный ученый-богослов имеет специальное высшее академическое образование (семинария, затем духовная академия), прошел защиту магистерских и профессорских работ (в то время не было разделения на ученые степени и звания), как правило – монашествующий, преподающий в семинарии или академии. Даже среди ученых-богословов существуют различные характерные типы, которые можно определить как консервативный, модернистский, индивидуалистский, как и различные манеры и стили в изложении своих мыслей, зависящие от места полученного ими богословского образования: Московская, Санкт-Петербургская, Киевская или Казанская духовные академии. Однако их связывает то, что они не имеют права отступать и не отступают от догматического богословия со всеми вытекающими отсюда последствиями, что, собственно, определяется принципами их веры. Это – элитарное, корпоративное сословие людей, получивших высшее духовное образование и служащих в рамках церковной среды, подчиняющихся ее строгому уставу. Следует отметить высокую степень общего гуманитарного образования ученых-богословов. К примеру, в аттестатах П.Д. Юркевича, полученных им по окончании семинарии и академии, числятся пять исторических дисциплин (церковно-библейская история, церковная, всеобщая гражданская история, история Российской церкви

и Российского государства) и пять языков (еврейский, греческий, латинский, немецкий, французский), отметим, что выпускники духовных учебных заведений также прекрасно владели и церковнославянским.

Мыслитель-богослов, или в современной лексике “религиозный философ”, хоть и занимается богословской проблематикой, не связан столь жесткими рамками своего социального статуса и высказывает свои мнения по богословской проблематике в более свободной форме. Например, А.С. Хомякова можно вполне причислить к религиозным мыслителям-богословам неортодоксального толка.

В нашем случае речь идет об изучении наследия представителей ортодоксальной богословской учености, для которой характерно рассредоточение собственно философской и богословской проблематики в широком культурном контексте: богословии, философии, литературных произведениях, публицистике, гомилетике и проч. По этой причине мы специально не выделяем только философские курсы в наследии представителей богословско-философской школы духовных академий, поскольку их представители и в произведения богословского плана включали значительную часть философского элемента.

Рационализировать не так, как прежде, объяснить задачи системы по несколько другим принципам – данная задача стояла как перед философией, так и перед богословием. Парадоксально звучит, но именно в это время богословие и философия после перманентного раздора не только серьезно посмотрели друг на друга, но и теоретически (каждая соответственно своему стилю) начали говорить об общих интересах и общих проблемах. Богословие в трудах его образованных воспитанников утверждало, что философия – его (богословия) родная дочь. А идеалистическая философия, неся, как лозунг, вырванный из контекста тезис Канта – философия не есть служанка богословия, а светильник мысли, по-своему оттачивала обоснование принципов высокой нравственности и постулаты Божественной справедливости. В это же время философский материализм постепенно, но беззастенчиво развенчивал недостатки прародительской почвы – пантеизма, показывая, что десакрализация, а в конечном счете – дегуманизация, и есть истинная его (материализма) сущность.

На рубеже XVIII–XIX вв. российское богословие и философствующая аудитория, уже на новом языке современной им науки, определились в общей тематической заинтересованности. Они стали мыслить по-новому, анализируя и возражая, но в то же время отстаивая свои принципы, самостоятельность. Продуктивно мыслящие теософы и богословы обязаны были сохранить и со-

храняли на всех присущих богословию уровнях *теизм* как научное направление.

Во взаимодействии двух тенденций, оттачивании своих позиций и стала оформляться и формироваться профессиональная философия Нового времени в России. Богословская наука со времени своего существования в лице наиболее талантливых представителей всегда предлагала разумный компромисс с философской наукой. В отечественной культурной традиции Нового времени одним из первых в этом творческом союзе был Григорий Сковорода. Исторически сложилось так, что богословская наука в духовно-академической традиции преподавания стояла над философской, а последняя, в свою очередь, над филологической. Проиллюстрируем взгляд на данный вопрос классиков литературы и науки – Николая Гоголя и Василия Зеньковского. Их свидетельства объективны, несмотря на разность жанров, поскольку в них отражены исторические традиции.

Философией как наукой и ее историей принято заниматься всегда, т.е. всегда находились люди, которые в той или иной форме умело фиксировали реальный ход философского процесса – записывали лекции, хранили переписку, издавали наиболее интересный в данном плане материал, исследовали документы и личные архивы выдающихся деятелей философской науки своего времени, внося тем свой посильный вклад в нашу науку, сохраняли то, что, казалось бы, не могло сохраниться после катаклизмов прошлого века. Лучшие исследователи академической русской философии XX в. – священники Г. Флоровский и В. Зеньковский – в свое время сделали даже невозможное: они не только статусно определили данный феномен отечественной мысли, но и представили огромную библиографическую доказательную базу своих итоговых работ-концептов.

В. Зеньковский, будучи студентом естественного факультета Киевского университета, участвовал в религиозно-философских собраниях, в дальнейшем стал председателем Киевского религиозно-философского общества, ныне возрожденного как в Киеве, так и в Москве. Известна его любовь к творчеству Гоголя и глубокая заинтересованность духовными ориентирами писателя. Так, решив стать медиком, Зеньковский в студенческие годы пишет достаточно крупное литературно-философское сочинение, посвященное 50-летию со дня смерти писателя, затем все больше интересуется философией и психологией, переходит на филологический факультет и заканчивает университет состоявшимся историком философии и незаурядным психологом. После знакомства с С. Булгаковым, признанным лидером религиозного движения в кругах российской интеллигенции, он вновь обращается к

Гоголю. В своей “Истории русской философии” Зеньковский называет Николая Васильевича “пророком православной культуры”: “Нет никого в истории русской духовной жизни, кого бы можно было поставить в этом отношении рядом с Гоголем, который не только теоретически, но и всей своей личностью, мучился над темой о соотношении церкви и культуры”⁶. Для Зеньковского Гоголь был “живым символом единства национальной духовной традиции, единства русских и украинских корней отечественной культуры”⁷. Неудивительно, что одну из последних своих академических работ Василий Васильевич посвятит Николаю Васильевичу: “Н.В. Гоголь. Париж, 1961”.

И Гоголь, и Зеньковский, как и другие виднейшие деятели отечественной культуры, были детьми своего времени. Реализм, романтизм, мистицизм и другие направления, появившиеся в Европе и России на рубеже XVIII–XIX вв. вследствие всем известных трагических европейских реалий, закончившихся изоляцией Наполеона и разорением большей части населения европейских стран, тем не менее все без исключения сферы искусства и гуманитарных наук, в том числе философия и богословие, дали конкретные результаты. Просветительский период сменился революционным и закончился военным. Но философская и богословская мысль требовала уравновешенности, как и прежде, оставаясь последним “чистым” оплотом разумности как таковой. В следующем веке философию из “служанки богословия” превратили в политический концепт глобального переустройства мира, который с теми или иными вариациями существует и поныне. Современная философская школа, отделившись, а вернее – *освободившись* от своих “младших” братьев и сестер, отпустив их на вольные хлеба (политологию, социологию, культурологию), вновь погрузилась в классические исследования текстов. В.В. Зеньковский, создавший первое учебное пособие по истории русской философии, занимался исследованиями доступных ему текстов всю жизнь. Кстати, малое содержание его размышлений о древнерусской философии объясняется как раз тем, что, находясь в эмиграции, он был лишен возможности изучать первоисточники по данному вопросу.

Зеньковский ясно и четко передает ситуацию духовного становления общерусской мысли и той роли, которую сыграла Киевская академия: “...хотя южно-русская ученость еще до крайности не свободна (находится в полном плену у Запада, отрывается от основных истоков христианства), было бы ошибочно недооценивать

⁶ Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. С. 75.

⁷ Сербиненко В.В. Предисловие // Зеньковский В. Указ. соч. С. 5.

ее положительный вклад в умственную жизнь сначала Украины, а потом и всей России. И не случайно, что первое заявление о свободе мысли, о внутренней силе, присущей мысли, исходит от московского ученого XVIII века Феофилакта Лопатинского, питомца Киевской Академии. Не только формальная философская культура развивалась постепенно благодаря Киевской Академии, но, несомненно, зарождались и творческие замыслы... Москва жадно впитывала в себя все, чем была богата Украина...”⁸.

Нельзя не вспомнить оценку В. Зеньковским феномена Г. Сковороды как имеющую непосредственное отношение к рассматриваемому нами вопросу: “Г. Сковорода примечателен как первый философ на Руси в точном смысле слова. Изучение его философского творчества интересно и само по себе, но еще более интересно с исторической точки зрения. Сковорода был бы непонятен вне исторической перспективы, вне той философской культуры, которая слагалась на Южной Руси благодаря Киевской Академии. Появление Сковороды свидетельствует о том, что не напрасно занимались в Академии изучением западной мысли, – в оригинальной и самостоятельной системе Сковороды надо видеть первые всходы того, что развивалось в русской религиозной душе, когда умственная энергия направлялась на вопросы философии”⁹. Отметим, что Г. Сковорода был одним из наиболее близких по духу философов и для В. Карпова, который уделил ему особое внимание в своем “Введении в философию”.

На протяжении XVIII в. в Киевской академии обучались студенты со всех украинских земель – от Коломыи и Перемышля до берегов Северского Донца, причем светских учащихся насчитывалось в среднем две трети от общего числа студентов, а студентов, вышедших из духовного сословия, всего треть. Вполне хорошо ли это было? Здесь уместно вспомнить и сравнить оценку “высших” достижений “старой” академии в лице одной трети духовного сословия – впоследствии многих выдающихся архиереев и мыслителей, данную В. Зеньковским, с другой оценкой, хоть и вольнолитературной, но не менее выдающегося Н.В. Гоголя с его характеристикой Киевской академии (Киево-Могилянской) в “Тарасе Бульбе” и “Вие” со светской точки зрения, т.е. с точки зрения тех двух третей студентов из светского сословия.

Хотя это литературно-художественные произведения, но поданная автором-классиком информация об академии заслуживает внимания для понимания статуса данного заведения в обществе: “Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни:

⁸ Зеньковский В.В. Указ. соч. С. 60.

⁹ Там же. С. 65.

эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни”¹⁰.

А вот как Гоголь пишет в “Вие” о бурсаках и семинаристах, последние – учащиеся более высокой ступени образования: “Грамматики еще были очень малы; ...и бранились между собою самыми тоненькими дискантами; ...Риторы шли солиднее...; эти говорили и божились между собой тенором. Философы целою октавою брали ниже: в карманах их, кроме крепких табачных корешков, ничего не было...”¹¹

Далее следовали богословы, собственно выходцы из духовного сословия. Весьма интересно и последующее описание боя между семинаристами со “всеобщего согласия”: “...в этом бою должны были участвовать все, даже и цензора, обязанные смотреть за порядком и нравственностью всего учащегося сословия. Два богослова обыкновенно решали, как происходит битве... Во всяком случае грамматики начинали прежде всех, и как только вмешивались риторы, они уже бежали прочь... Потом вступала философия с длинными черными усами, а наконец и богословия, в ужасных шароварах и с претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тем, что богословия побивала всех, и философия, почесывая бока, была теснима в класс и помещалась отдыхать на скамьях”¹².

Как видим, философия оказывалась ниже богословия по своему статусу, ибо, с точки зрения великого литератора, соблюдалась некая “дедовщина” профессий. В условиях духовных академий постоянно пытались подавить либерализм философии по сравнению с богословием, но она все же заняла надлежащее ей место в обновленных духовных академиях, в частности в Киевской, преподаватели и выпускники которой, как профессор названной академии И.М. Скворцов и впоследствии профессор Санкт-Петербургской духовной академии В.Н. Карпов, в середине XIX столетия написали, как упоминалось выше, программы по логике и истории философии для университетов Российской империи, критически рассмотренные и одобренные Высочайшим Синодом, а до этого и Цензурным комитетом.

Приложение.

I. Обратимся к программам из рукописного архива КДА по истории философии для начального высшего духовного образования обозначенного нами периода.

¹⁰ Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Классики и современники: Русская классическая литература. М., 1982. С. 234.

¹¹ Гоголь Н.В. Вий // Там же. С. 336.

¹² Там же. С. 338.

Под номером 761 на листах 31–45 присутствует студенческое сочинение **Александра Белогова**, студента первого курса Киевской академии, “Обозрение философских наук и порядок преподавания оных”. Есть дата: “1817 год. Город Воронеж”. Следует сказать, что данный факт свидетельствует о том, что Белогов заканчивал Воронежскую семинарию, которую также закончил выпускник первого курса Киевской духовной академии В.Н. Карпов, в Воронежской семинарии учился и П.Ф. Авсенов. Из чего можно сделать вывод о необходимости исследования преподавания философских наук в данной семинарии, как и в семинариях вообще. Поскольку названное выше произведение датировано 1817 г., это свидетельствует о том, что оно было написано студентом еще Воронежской семинарии, а не студентом Киевской духовной академии. Однако по своему значению как методическое произведение в плане преподавании философии в духовных училищах оно имеет определенное показательное значение.

Приводим отрывки из обозрения.

“Философия – систематическая наука о возможности и необходимости бытия вещей, на высших началах разума основанная и примененная к достижению главных и последних предназначений разума человеческого.

Две сути последней цели нашего разума – познавать истинное и делать честное; и две наивысшие способности – познавательная и деятельная, посему столько же есть и главных частей философии.

1. Умозрительная философия, предметом имеет то, что есть, или по началам разума исследует возможности бытия, изъясняя причины и законы всего сущего.

2. Деятельная философия, предметом которой есть то, что должно быть от разумной природы человека или которая предлагает законы нравственных решений человеческих. Есть еще особливая способность увеселяться изящным и высоким – эстетическое чувство прекрасного и возвышенного – логика или посредствующая философия.

3. Логика или посредствующая философия. Ее предмет – доказать уму человеческому законы его действия.

4. Опытное душесловие (эмпирическая психология). Ее предмет – на основании наблюдений излагать по порядку все силы души человеческой с показанием законов действий их, для разъяснения из того различных явлений в нас открывающихся.

5. Философская история, в которой излагаются всех времен по крайней мере оригинальные философские произведения, со здравою критикою главных умоположений их, проводимую на основании исторических начал философии. Деятельностью

ума философствующего возбуждается познание более полно и обширно, если изучение философской системы дополняется критическим обозрением различных опытов философствований прошлых времен. Тем самым определяется место для сей науки в отношении к прочим частям философского курса; ибо не можно здраво и безопасно учить о различных системах философских, не познавши основательно всей истории философии; сверх того сам смысл учений философских, сей историей излагаемых, не будет довольно понятен и вразумителен для тех, коим ни терминология, ни основания философские не известны. *Итак, полный курс философского учения получит такой порядок:*

- а) опытное душесловие;
- б) логика;
- в) метафизика;
- г) деятельная философия;
- д) история философская (или философская история).

Сия наука может быть главным образом расположена или по одному хронологическому порядку, или по разделениям и характеристам систем философских. И в том и в другом случае предполагаемая от сей науки польза требует:

1. Чтобы кратко, но ясно, без опущения существенных частей, изложены были содержание, главная проблема и отличительный характер каждой системы, дабы из таковой истории могли бы видеть ход и успехи ума человеческого от начала философствований его донине.

2. Чтобы показаны были как внутренние, так и внешние причины каждого особенного направления философского разума, успехи и заблуждения оно, влияние на политическое и нравственное состояние народов, дабы ошибками других воспользоваться для собственного наставления.

3. Чтобы историческое преподавание сей науки сопровождается было везде здравою критикою профессора, по началам истинной философии, дабы учения философской истории вместе были критическим наставлением в правильном философствовании (метод доселе полных курсов, для духовных училищ) и со справедливыми понятиями об их началах и правильном разделении философии” (курсив мой. – Н.К.).

(Далее идет перечисление учебников на латинском и немецком языках, общее правило преподавания философии и двухгодичное время всего курса). Подпись. Воронеж. 1817 г.

Под номером 337 находятся “Записки по обзору философских учений В.И. Шумова”, XIX в., преподавателя Тульской духовной семинарии. Василий Иванович Шумов был магистром

Киевской духовной академии выпуска 1859 г. Таким образом, записки можно датировать началом 60-х годов.

“Определение философии. Она есть наука, стремящаяся познать все существующее как одно стройное гармоничное целое; со стороны происхождения, сущности, конечной цели и последних законов философия стремится к связному и целостному представлению мировой жизни.

Общий обзор главных эпох истории философии.

I. Первый период истории философии (640–469 л. до н.э.) от Фалеса до Сократа.

II. Второй период истории философии (469–322 л. до н.э.) Сократ – Платон, Аристотель.

III. Третий период истории философии – Александрийский период истории философии. Так же односторонние философские системы: Стоицизм (Зенон), Эпикуреизм (Эпикур), Скептицизм (Пиррон), Неоплатонизм (Плотин).

IV. Четвертый период истории философии. Период схоластического или средневекового образования. Ансельм Кентеберийский (1009 год), Петр Ламбарди (1164 год), Фома Аквинский (1274 год), Д. Скотт (1308 год). ...все это привело к тому, что философия отделилась от богословия, вера отделилась от знания.

V. Пятый период истории философии – от Бекона и Декарта до Канта.

VI. Шестой период истории философии. Период новейшей философии. Начинается с Канта, далее – Фихте, Шеллинг, Гегель. Представители материализма – Фейербах, Бюхнер...”

Далее Шумовым рассматриваются вопросы о познании (эмпиризм, сенсуализм), рассматривается отличие позитивизма от сенсуализма, представлена критика эмпиризма и сенсуализма. Рассматриваются вопросы о методе, его эволюция, эволюция идеализма от Платона и реализма от атомистического материализма. Рассмотрены также основные положения современного материализма, в частности система Дарвина, присутствует критика пантеизма и атеизма.

Под номером 346 находится история философии Протоиерея **Николая Яковлевича Оглобина**, датированная 21 июня 1839 г., преподавателя Киевской духовной академии.

“Отделение 1. О природе истории философии (предмет философии и понятие о ней). Предмет истории философии: ближайший и непосредственный предмет истории философии есть самая философия. Содержание философии дано человечеству один раз и навсегда, и дано все так, что к нему нельзя прибавить ничего. Но человечеству предоставлено осознать и развивать в своем

сознании это данное. Следовательно, содержание философии видоизменяется в сознании человечества и таким образом вносится в область истории.

I-й период. Часть первая. I-я эпоха истории философии. Восточная философия. Характер Восточной философии. Взгляд на учение:

1) Евреев. 2) Финикийцев. 3) Халдеев. 4) Персов. 5) Египтян.
б) Ньяйя.

3. Вайшешика, категория Канадаса, физика Канадаса.

4. Веданты.

5. Санкъя, Карма. Суждение о философии индийской. Философия китайцев. О китайских философах. Лао-Цзы. Конфуций. Менций.

Часть 2.

II-й этап. Философия Греческая. Греко-римская. Египетская. Александрийская.

Третий период философии. Египетско-Александрийская эклектическая философия. От Филона до последних неоплатоников (со 2 до 6 столетия до Рождества Христова).

Второй период. Философия новая (от Картезия до наших времен). История новейшей философии. От Канта до наших времен ...”

Далее следует прибавление к истории новейшей философии: развитие философии до Канта, судьба Кантовской философии. Философия Рейнгольда. Философия Гербарта, Якоби, Шульце, Бутервека, Круга.

В “Истории философии” Оглобина подробно изложен план по философии Фихте: “Первоначальная философия Фихте. Понятие о праве Фихте:

- а) основное право;
- б) принудительный закон;
- с) учение о государстве;
- д) право семейственное;
- е) народное право”.

Дается подача системы Фихте на 55 страницах. На 20 страницах уделено внимание системе Шеллинга. Затем рассматриваются системы Оккена, Шуберта и Гегеля на 50 страницах.

Все представленные материалы свидетельствуют о том, что каждый преподаватель, будь то в семинарии или академии, представляя свой авторский курс. Программы курсов иллюстрируют обширные познания наставников в области современного им европейского философского знания, а также древней и святоотеческой философии. Малоизученность их наследия заставляет надеяться, что найдутся свежие силы для продол-

жения данной работы. В развитие данной темы и в заключение статьи хочется привести цитату из предисловия А.Л. Доброхотова к упоминавшейся книге В.В. Ванчугова «Очерк истории философии “самобытно-русской”»: «...чаще всего обращение к проблеме “русского” в философии становится или формой политической борьбы, или средством самовыражения. Остается лишь ждать появления нового поколения исследователей, которому будет интересно ... внимательно всмотреться в предмет философского знания, неторопливо и тщательно собрать материал и, если повезет, сделать шаг к тому, что может быть точкой зрения, а то и самим знанием».